

Евгения Сирин

МЕЖМИРЬЕ : КАЛИНОВ МОСТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

СЛАВЯНСКИЙ ФЭНТЕЗИ ХОРРОР

18+

Евгения Сирин

Межмирье. Калинов Мост

«Автор»

2026

Сирин Е.

Межмирье. Калинов Мост / Е. Сирин — «Автор», 2026

Говорят, Калинов мост перекинут через реку Смородину между миром живых и посмертным миром. Что, доски его — из калины, которая цветет только в Межмирье. Говорят, на страже моста стоит древний змей, и ступить на калиновые доски дано не всякому. Ягинья — дочь волколака и ведьмы, что погибли в проклятой деревне Айы. Она никогда не знала родителей. Никогда не видела тайги, где родилась. Её жизнь была обычной — до тех пор, пока прошлое не напомнило о себе. Пока тени, что двадцать лет прятались за спиной, не начали сгущаться. Пока Калинов мост не перестал быть легендой. Теперь Ягинье предстоит узнать, что значит быть дочерью двух миров. Что скрывается на том берегу. И какую цену придётся заплатить за выбор, который нельзя не сделать.

© Сирин Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1 Чужачка	7
Глава 2 Праздник огня	13
Глава 3 Русалий Берег	22
Глава 4 Утес Печали	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Евгения Сирин

Межмирье. Калинов Мост

Пролог

Говорят, есть на свете места, где граница между мирами истончается до толщины папиросной бумаги.

Где тени умерших ходят среди живых, а живые, сами того не ведая, забредают во владения мёртвых.

Где воздух дрожит, как над раскалённым камнем, и время течёт не вперёд, а вглубь — туда, где нет ни начала, ни конца, а только вечное настоящее.

В таких местах слышен шёпот тех, кого уже нет, и тех, кто ещё не родился.

В таких местах снятся сны, что реальнее яви.

И есть среди этих мест одно, о котором говорят чаще прочих — хоть и шёпотом, хоть и с оглядкой. Калинов мост.

Калинов мост перекинут через реку Смородину между двумя мирами — миром живых и посмертным миром.

Река та не простая: воды её — не вода вовсе, а слёзы всех, кто когда-либо терял любимых. И текут они не вперёд, к океану, а вниз, в самую глубь мироздания, где переплавляются в новые души.

Говорят, доски моста — из калины, что цветёт только в Межмирье.

Калина та не простая: ягоды её — как капли крови, цветы — как снег, что никогда не тает, а древесина — крепче любого земного дерева,

ибо пропитана она скорбью и надеждой всех, кто когда-либо ступал на этот мост. Ступить на калиновые доски дано не всякому.

Говорят, мост сам выбирает, кого пропустить, а кого — низвергнуть в реку, где душа растворится без остатка, не оставив по себе ни памяти, ни следа.

На страже моста стоит древний змей — трёхглавый, огнедышащий, с чешуёй, что чернее самой тёмной ночи. Одна голова его смотрит в мир живых, и взгляд её — как тысяча солнц.

Другая голова обращена в мир мёртвых, и глаза её — как две луны, что никогда не убывают. Третья же голова спит вечным сном, и горе тому, кто разбудит её своим приходом. Говорят, змей этот — не страж вовсе, а судия.

Он не убивает — он вопрошает. И только тот, чьё сердце чисто, а помыслы тверды, может ответить на его вопросы и пройти по мосту, не сгинув.

Но это только говорят.

На самом деле Калинов мост — не место. Не дерево, не доски, не переправа через огненную реку. Это выбор. Тот самый выбор, что встаёт перед каждым, в чьих жилах течёт кровь двух миров. Кровь живого и мёртвого. Кровь человека и духа. Кровь того, кто стоит на границе и не знает, в какую сторону сделать шаг.

И однажды этот выбор приходится сделать. Не потому, что так велит судьба.
Не потому, что так хотят боги. А потому, что мост — он внутри.

Он в каждом, кто хоть раз заглядывал за грань.

Ягинья — дочь волколака и ведьмы, что погибли в проклятой деревне Айы. Она никогда не знала родителей. Никогда не видела тайги, где родилась.

Её жизнь была обычной — до тех пор, пока прошлое не напомнило о себе.

Пока тени, что двадцать лет прятались за спиной, не начали сгущаться.

Пока Калинов мост не перестал быть легендой, когда он начинает звать — не откликнуться уже нельзя.

Теперь Ягине предстоит узнать, что значит быть дочерью двух миров.

Что скрывается на том берегу. И какую цену придётся заплатить за выбор, который нельзя не сделать.

Глава 1 Чужачка

Ягинья лежала на большом, прогретом солнцем валуне, что лежал у самого края поля — там, где распаханная земля уступала место дикой траве, а за ней, в нескольких шагах, уже начинался лес.

Валун этот был старым, замшелым, словно спина древнего зверя, уснувшего здесь сотни лет назад и обросшего мхом.

Он лежал тут, сколько Ягинья себя помнила,

— серый, тёплый, надёжный. Никто не знал, откуда он взялся посреди поля, но Ягинье нравилось думать, что когда-то его притащил сюда ледник, или великан, или сама земля вытолкнула его из своих недр, как напоминание о чём-то давнем и забытом.

Она смотрела в небо — бескрайнее, выцветшее от жары, с редкими облаками, что лениво плыли куда-то за горизонт.

В зубах она держала сладкую тростинку и лениво покусывала её, понимая, что до конца работы на поле ещё очень и очень долго.

Её белое платье, простое, льняное, по подолу было абсолютно разодрано — не то о сучья, не то о колючки, не то просто от времени.

Но Ягинью это мало заботило. Она вообще мало о чём заботилась — по крайней мере, так считали все вокруг. Солнце неторопливо катилось к закату, когда на краю поля, у валуна, послышались шаги и приглушённый смех. Ягинья не открыла глаз. Она и так знала, кто это. Сияна и Чернавка возвращались с речки — раскрасневшиеся, довольные, с мокрыми подолами и прилипшими к щекам волосами.

Они заметили Ягинью на камне и переглянулись.

— Гляди-ка, — протянула Сияна, уперев руки в бока, — наша работница отдыхает. А мы-то думали, она тут поле перепахала.

Ягинья лениво приоткрыла один глаз.

— Ну да, ну да, — Ягинья хрустнула тростинкой и снова уставилась в небо. — А я вот возьму да расскажу Хавроньи, куда вы бегали. И к кому.

Лицо Сияны пошло красными пятнами. Она бросила быстрый взгляд в сторону леса, откуда уже слышался мерный шаг бабки Хавронии, и процедила сквозь зубы:

— Ты... ты же ничего не скажешь? Ты же нас прикроешь, правда?

Ягинья не ответила. Только уголок её губ дрогнул в лёгкой, почти незаметной улыбке. Она лежала на валуне и смотрела в небо, и в этом молчании было больше ответа, чем в любых словах.

Девки попятились к своим снопам, на ходу одёргивая платья и делая вид, что работают с самого утра.

Тень Хавроньи упала на камень. Ягинья скосила глаза в сторону и увидела знакомый платок.

— Ты так и будешь валяться, негодница? — спросила старуха, уперев руки в бока.

— Хочу и лежу.

Хавронья оглядела поле, прищурилась. Полдела сделано.

Снопы — ровные, крепкие, на совесть. Она перевела взгляд на Ягинью и в выцветших глазах мелькнуло что-то похожее на молчаливое уважение.

— А остальные где? Ясена еще не пришла?

— Ясена отпросилась. Я за неё.

Хавронья помолчала. Она знала: от этой девчонки слова лишнего не добьёшься. Работает — молчит. Устала — молчит. Обидел кто — молчит.

А глаза — зелёно-карие — всегда немного печальные, даже когда она улыбается.

— Слезай с камня, — сказала старуха мягче.

— Чай, уж день к небу клонится. Пора доделать начатое.

Ягинья нехотя сползла с валуна, одёрнула разодранный подол и побрела обратно к полю, где её уже ждала Ясена. Рыжеволосая красавица стояла у крайнего снопа и улыбалась, и девушка, забыв про всё, бросилась к подруге и обняла её крепко-крепко. Потому что с Ясеной можно было не притворяться.

— Ясенька! — выдохнула Ягинья, выпуская подругу из объятий и оглядывая её с головы до ног, будто проверяя, всё ли с ней в порядке.

— Ты долго. Я уж думала, ты до вечера запропала.

— Знаю, прости, дорогая, — Ясена виновато улыбнулась, поправляя выбившуюся из-под платка рыжую прядь.

— Задержалась. Матушка чуть не завиде меня..- она поправила себя

- Меня Хавронья чуть не отхлестала — уж так сердилась, так сердилась...

Ягинья фыркнула.

— Конечно, конечно. Твоя мамка никогда тебя в обиду не даст. И не отхлестает, и словом не заденет. Ты у нас любимица.

Ясена улыбнулась чуть смущённо, но в зелёных глазах её заплясали чертики.

— Ты прости, голубушка, я запропастилась не просто так.

— Ну да, ну да, — Ягинья прищурилась.

— Как обычно — в объятьях Бажена забылась. Знаю я тебя.

Ясена вспыхнула, схватила подругу за руку и зашептала:

— Ягинья оглянулась через плечо. Сияна и Чернавка стояли поодаль, делая вид, что усердно вяжут снопы, но уши у обеих горели явно не от работы.

Тише, тише, прошу! Не при Сияне. Она ж услышит.

— Я говорю, не пара он тебе, Ясенька, — тихо, уже без шуток, сказала Ягинья. — Бажен этот... Скользкий он. И речи его лукавые.

— Я сама решу.

Ягинья долго смотрела на неё, потом вздохнула и кивнула.

— Как скажешь.

Она не стала спорить. Ясена была её единственной подругой, и Ягинья слишком хорошо знала: когда рыжая красавица так поджимает губы и говорит «я сама», её лучше не трогать. В конце концов, у каждого своя дорога. И свои ошибки. Ягинья просто надеялась, что эта ошибка не будет стоить Ясене слишком дорого.

Солнце зашло за пелену и скрылось, оставив небо в серых, медленно гаснущих тонах. С поля потянуло вечерней прохладой. Девки, закончив работу,

сбились в стайку и пошли гулять — перешёптывались, хихикали, звали с собой.

Ягинья не откликнулась. Она не любила женское общество —

шумное, суетливое, полное недоговорок и косых взглядов.

Ей хватало Ясены, а остальные пусть идут своей дорогой.

Она подобрала с земли сумку, перекинула через плечо и зашагала к дому.

Дорога вилась мимо поля, ныряла в редкий перелесок и выводила к околице. Изба стояла чуть ли на отшибе. Свет в окне горел —

тёплый, живой, обещающий покой. Забор из дерева не много покосился,

но держался крепко — Ува говорила, что починит, да всё руки не доходили.

На дворе стелился небольшой туман — не густой, не страшный, а так, лёгкая дымка, что поднималась от земли после жаркого дня.

Берёзки, что окружали избу, еле-еле колыхались, подёргивая ветками, словно перешёптываясь о чём-то своём, тихом, вечернем.

Ягинья толкнула калитку и вошла во двор. В окне горел свет.

Дома ждала её мамушка.

— Матушка, я дома, — Ягинья переступила порог и сбросила сумку у двери.

Ува сидела за столом, перебирая сушёные травы, и при звуке голоса дочери подняла голову. Лицо её, тронутое годами и заботами, осветилось тихой радостью.

— Ну, наконец-то, — сказала она, откладывая пучок зверобоя.

— Я уж думала, ты до ночи в поле.

Ягинья прошла к столу, поцеловала матушку в висок и устало опустилась на лавку. В доме пахло сушёными травами, дымом и чем-то родным, что она не могла бы назвать словами, но узнавала безошибочно.

Этот запах был с ней с самого детства — сколько она себя помнила.

— Я платье порвала, — сказала Ягинья, отщипывая кусок хлеба.

— Вижу, — Ува вздохнула, но без укоризны. — Когда-нибудь ты совсем без подола останешься. Снимай давай.

Ягинья стянула платье через голову, оставшись в нижней сорочке, и снова уселась за стол. Ува достала из сундука старую шкатулку с рукоделием, придвинула лампу поближе и принялась зашивать — стежок за стежком, нитка за ниткой. Ягинья тем временем принялась за похлёбку, и в горнице воцарилось то самое мирное молчание, какое бывает только в доме, где двое понимают друг друга без слов.

Позже, когда за окном совсем стемнело, Ягинья, уже в заштопанном платье, подошла к печи и села на пол, привалившись спиной к тёплым кирпичам. Ува убирала со стола, гремела посудой, и в этих звуках было что-то бесконечно спокойное.

— Матушка, — вдруг спросила Ягинья, глядя на огонь, — откуда у меня седые пряди? И почему глаза такие?

Ува не обернулась. Она продолжала вытирать тарелку, и только пальцы её чуть дрогнули.

— Седые волосы у тебя — как у меня. Я в детстве потерялась в лесу и оттуда вышла полуседая. А ты такой родилась. Вернее... если быть точнее, в пять лет твои волосы начали потихоньку становиться седыми. Сперва одна прядь, потом другая...

Она замолчала, и в тишине слышно было, как потрескивают дрова.

— Есть поверье, — продолжила Ува тихо, — что седина бывает только у тех, кто видел мир Нави. Или мир Межмирья. Говорят, это отметина. Что человек заглянул за грань — и грань заглянула в него.

Ягинья подалась вперёд.

— Ты видела Межмирье, мама?

Ува медленно кивнула. Лицо её, освещённое пламенем печи, казалось в этот миг очень старым и очень усталым.

— Да, родная. Мне довелось видеть его.

Ягинья замерла. Сердце забилось быстрее. Она так долго ждала этого разговора, что теперь боялась спугнуть его неосторожным словом.

— А что это — Межмирье? — спросила она шёпотом.

Ува опустила глаза. Долго молчала. А потом тихо, словно через силу, ответила:

— Это граница, дочка. Граница между миром живых и миром мёртвых. Там всё иначе. Там темно и тихо. И те, кто ушёл, иногда возвращаются. Хотя бы во сне.

— А отец мой тоже бывал в Межмирье? — спросила Ягинья. Голос её прозвучал невинно, но в глазах заплясали хитрые искорки. Она знала: напрямую спрашивать об отце нельзя — мать замкнётся, уйдёт в себя, переведёт разговор. Но если подойти издалека, через Межмирье, через эту странную нить, что связывала их обеих с невидимым миром, — может, получится.

Мать никогда не упоминала, кем был её отец. Ни имени, ни рода, ни того, как они встретились. Словно его и не существовало. И иногда они из-за этого ссорились — Ягинья требовала правды, Ува отмалчивалась, и вечер заканчивался хлопаньем дверей и слезами на чердаке. Но сегодня Ягинья решила попробовать иначе. Без крика. Без упрёков.

Ува посмотрела на неё из-под бровей. Долго. Тяжело. А потом плечи её опустились, и она выдохнула — так, словно держала этот выдох много лет.

— Когда-то это должно было случиться, — сказала она тихо.

По щеке её скатилась слеза — одна-единственная, медленная, блеснувшая в свете печи. Ува не стала её вытирать. Она села на лавку, сложила руки на коленях и заговорила. И Ягинья, затаив дыхание, приготовилась слушать. Потому что история, которую её мать начинала в этот миг, была историей всей её жизни.

Она начала рассказ. Без предисловий, без попыток смягчить или утаить. Слова, которые копились двадцать лет, полились сами — сначала медленно, с запинками, потом всё быстрее, словно прорвало невидимую плотину.

Ува говорила долго. Очень долго. И очень грустно.

Она рассказала про женщину по имени Айхана — про её чёрные волосы и смелую улыбку. Про то, как она приехала в проклятый посёлок Айы, затерянный в тайге у реки Тюнг, и встретила там Юмэя — человека, что был оборотнем, волколаком, изгоем. Про то, как они полюбили друг друга — несмотря ни на что, вопреки всему. Про то, как их травили, как преследовали, как пытались разлучить. Про то, как Айхана заключила договор с богами, чтобы спасти мужа и будущее дитя, и про то, как заплатила за это жизнью.

Про то, как Айхана родила её, Ягинью, — в ту самую ночь, когда горел Айы. Ува не уточнила, как именно это случилось, не стала описывать подробностей смерти. Но сказала твёрдо, глядя Ягине прямо в глаза:

— Твоя мать любила тебя до последнего мгновения. До последнего вздоха. Она отдала за тебя всё, что могла. И даже больше.

Потом она рассказала про отца. Про Юмэя — волколака, что дрался до последнего, что стоял на пороге дома и никого не пускал, пока за его спиной рождалась дочь. Про то, как он погиб в ту же ночь — не от ран, а от человеческой подлости и что не захотел жить без своей волчицы.

Ягинья слушала. Она не перебивала, не задавала вопросов. Только слёзы текли по её лицу — медленно, беззвучно, и падали на заштопанное платье, оставляя на нём тёмные дорожки. Она не вытирала их. Просто слушала, и мир, который она знала, медленно, неотвратимо переворачивался.

Закончив рассказ, Ува замолчала. Она сидела, сложив руки на коленях, и смотрела на Ягинью из-под бровей — настороженно, словно ожидая приговора. Она боялась. Боялась, что дочь оттолкнёт её, что назовёт чужой, что больше никогда не скажет «мама».

Ягинья молча поднялась с пола. Сделала шаг. Ещё один. И молча, без слов, обняла Уву — крепко, что есть силы, так, что косточки затрещали.

— Ма... — она выдохнула и замерла, прижавшись лицом к плечу матери. А потом добавила — уже не «ма», а то самое, единственное, что имело значение: — Мама.

Ува улыбнулась — сквозь слёзы, сквозь годы молчания, сквозь страх и боль. И ещё крепче обняла любимую дочь.

— Спасибо тебе за всё, — прошептала Ягинья, не отпуская её. — Ты вырастила меня. Ты была мне матерью, когда у меня никого не было. Ты берегла меня, хотя могла бы просто

оставить. И теперь я понимаю... я понимаю, почему в полнолуние мне так злобно. Это во мне волчья кровь говорит. Кровь отца.

Она замолчала, уткнувшись в плечо матери, и дышала глубоко, прерывисто, словно после долгого бега. А потом добавила — тихо, почти неслышно:

— И кошмары... Теперь я знаю, откуда они.

Это не просто сны.

— Да, родная, — прошептала её любимая матушка, глядя её по взъерошенным седым прядям.

Они сидели так долго — мать и дочь, — и огонь в печи догорал, отбрасывая на стены дрожащие тени. За окном поднималась луна, заливая двор серебром. В доме было тихо, тепло и спокойно. Девушка поцеловала мать в щёку и, пожелав спокойной ночи, полезла по скрипучей лесенке к себе на чердак. Ува проводила её взглядом и долго ещё сидела в полумраке, слушая, как затихают шаги наверху.

Чердак был её любимым местом. Всегда был. Сколько Яга себя помнила, её тянуло именно сюда — под самую крышу, где тишина звенела иначе, где воздух был суше и пах деревом, травами и чем-то ещё, чему она не знала названия. Мать настаивала, чтобы дочь спала на первом этаже, в горнице, где тепло и безопасно. И порой сетовала, что до неё не докричатся — особенно по утрам, когда Яга, закутавшись в плед, видела десятый сон. Но Чердак был её местом. Её маленьким царством. Её убежищем от мира, что за стенами дома казался слишком шумным и чужим.

В углу, у самой балки, висела паутина. Не просто паутина, а целое кружевное полотно, сотканное с удивительным старанием. Жил в ней паук — маленький, мохнатый, черный. Яга назвала его Сияном — в честь той самой неприятной особы, что вечно цеплялась к ней на поле. И если настоящую Сияну Яга не выносила на дух, то паука Сияна любила. Он был молчалив, никого не трогал и каждое утро приветствовал её новой, искусно сплетённой паутиной. Иногда Яга подолгу лежала и смотрела, как он работает, — сосредоточенно, терпеливо, не отвлекаясь на пустое.

Рядом, на деревянном гвозде, висел оберег, который они плели с мамой, когда Яге было семь лет. Простой, из соломы и красной нити, с узелками, что завязывались под тихий шёпот. Яга помнила тот день: за окном шёл дождь, мама сидела на полу, скрестив ноги, и показывала, как правильно переплетать соломины. «Это от дурного глаза, — говорила она. — И от злого слова. Пусть будет всегда с тобой». С тех пор оберег висел здесь, и Яга ни разу не снимала его.

В углу пуховой перины, аккуратно прислонённая к подушке, лежала мотанка — тряпичная кукла из льняных тряпок и лицом без глаз. Её они тоже делали вместе с мамой, в тот же год. Ува тогда сказала: «Кукла должна быть без лица, чтобы в неё никто не вселился». Яга, маленькая ещё, спросила: «А как же она будет смотреть?» — «А она не смотрит, — ответила Ува. — Она чувствует». С тех пор мотанка жила на чердаке и чувствовала всё: и слёзы, и смех, и тишину.

На натянутых под потолком плотных нитях висели травы. Мята — её запах наполнял чердак прохладной свежестью. Пижма — жёлтые шарики, что отгоняли мух и дурные мысли. Полынь — горькая, серебристая, с запахом, от которого кружилась голова, если вдохнуть слишком глубоко. Чертополох — колючий, суровый, охраняющий от нечисти. Зверобой — солнечный, золотистый, тот самый, что они собирали с девушками на опушке. И многие другие травы, чьи названия знали только те, кто понимал: это не просто сухие стебли. Это сила. Это память. Это то, что женщины использовали для лечения, а иногда — и для обрядов. Но об этом было не принято говорить. Колдовство в деревне не приветствовалось — на людях. Однако если скотина заболела, или ребёнок захворал, или муж запил — все знали: эти женщины всегда придут на помощь. Без лишних слов. Без пересуд. Просто сделают, что нужно, и уйдут.

Яга вдохнула густой травяной запах, улыбнулась пауку Сияну, обняла льняную мотанку и забралась под плед с обережными узорами. Здесь был её мир. Настоящий. Живой. И этой ночью, после долгого разговора с матерью, он стал ей ещё дороже.

Ночная прохлада, что тянулась из приоткрытого окошка, мягко убаюкала девушку. Ягинья закрыла глаза, ещё раз вдохнула запах сушёных трав и провалилась в сон — глубокий, как омут, и ласковый, как материнские руки.

Ей снился лес. Тот самый, знакомый до каждой тропки, до каждого замшелого валуна — но сегодня он был иным. Ночным. Луна висела высоко над кронами, заливая всё вокруг серебристым, призрачным светом. Мох под босыми ногами казался сизым, стволы берёз — белее снега, а тени, что падали от ветвей, были длинными, глубокими, полными тайны.

Яга шла по лесу босиком, не чувствуя холода. Она смотрела вверх, на ночное небо, что проглядывало сквозь кроны редкими звёздами, и воздух был таким нежным, таким ласковым, что она искренне не понимала: сон это или явь. Всё казалось слишком реальным. Слишком живым.

В голове мелькнуло спокойное, умиротворённое понимание: «Это сон. Просто сон». И он был удивительно спокойным — первым спокойным сном за долгое, очень долгое время, после всех кошмаров. Ни мостов, что рушатся под ногами, ни падений, ни чёрной воды. Только лес, только луна, только мягкий мох.

Она остановилась у старой берёзы и, прижавшись спиной к тёплому стволу, тихо сползла на землю. Поджала колени к груди, обхватила их руками и замерла, наслаждаясь покоем. Трава щекотала босые пятки, лёгкий ветер шевелил седые пряди.

И тут из-за спины послышалось тихое шипение — едва различимое, как шёпот, как шелест песка. Змея. Яга вздрогнула, распахнула глаза и начала рыскать взглядом по траве, по кустам, по кустам. Где? Откуда?

А потом она увидела босые ноги. Совсем близко. И голос — тихий, монотонный, но тягучий, как дикий мёд, — раздался прямо над её головой:

— И кто ж у нас такой сидит тут, сссладкий...

Яга подняла голову. Перед ней стоял мужчина. Из одежды на нём была только свободная рубаха и короткие, по колено, штаны — и те, и другие из тонкого льна, нездешнего покроя. Он был бос, и ступни его едва касались мха. По плечам, спадая волнами, струились тёмно-рыжие волосы — густые, блестящие, с проблесками меди, освещённые лунным серебром. Контур его лица были чёткими, резкими, будто вырезанными из дерева умелым мастером: острые скулы, прямой нос, тонкие губы, изогнутые в лёгкой, почти неуловимой усмешке.

Но главное — глаза. Два жёлтых огня, а по центру — змеинный зрачок, узкий, вертикальный, завораживающий. Они смотрели на Ягу с хитростью, с какой-то огненной ехидностью, и в них плясали искры — не злые, но опасные. Так смотрит змей на птицу. Так смотрит тот, кто знает больше, чем говорит.

Яга вскрикнула и проснулась в ту же секунду.

Глава 2 Праздник огня

День летнего солнцестояния в местной деревне праздновали на широкую ногу. Это был один из четырёх главных праздников года — наравне с осенним, зимним и весенним равноденствием, — и готовились к нему всем селом, загодя, с той особой тщательностью, что передавалась из поколения в поколение. Уже за неделю начинали перебирать припасы, чистить котлы, доставать праздничную утварь. От каждого дома, даже самого бедного, готовили блюдо: кто каравай, кто рыбный пирог, кто взвар ягодный, кто гуся, томлённого в печи. Отказа не принималось — праздник был общим.

С самого утра мужчины выходили на просторную поляну у реки — туда, где берег был пологим, а трава мягкой, — и начинали ставить огромный массив для будущего костра. Брёвна, что сушили с прошлого года, укладывали в несколько человеческих ростов, и плотно скрепляли. Рядом ставили длинные столы — из досок, что хранились специально для таких случаев. Девушки натирали их до блеска, застилали вышитыми скатертями.

По краям поляны вкапывали столбы — высокие, крепкие, — и украшали их лентами. Красными, синими, зелёными, золотыми. На самый верх водружали огромное деревянное колесо — символ вращения колесо года, знак того, что солнце снова поворачивает свой лик, что день сменяет ночь, а тьма отступает. Женщины повязывали на столбы ленты, и каждая загадывала желание, веря, что оно сбудется до следующего солнцестояния. А когда наступал час хоровода, они брались за руки и шли вокруг столбов, связывая ленты в один красивый моток — сплетая судьбы, надежды, молитвы.

Для мужчин готовили канат — толстый, тяжёлый, перетягивание которого было любимой забавой и поводом помериться силой. Девушки гадали: плели венки из полевых цветов и пускали по реке, загадывая на суженого. Чей венок поймает — та и выйдет замуж первой. Самые бесстрашные крутили горящее полено — прыгали через огонь, веря, что пламя очищает и дарует удачу.

Праздник этот устраивали трое: глава общины тётка Хаврония, её муж дед Прохор — человек с душой нараспашку и руками, что умели всё на свете, — и купец Агафон.

Агафон был мужиком толстым, приземистым, с вечно блестящим лицом, на котором, казалось, застыло выражение сытого довольства. Жил он в дорогой избе — самой богатой в селе, даже просторнее, чем у Хавронии и Прохора, — и любил это подчёркивать. Волосы Агафона почти всегда прятались под старой славянской шапкой с козырьком, и когда он её снимал — а случалось это редко, разве что в сильную жару, — редёющие, засаленные волосинки его даже не колыхались по ветру, настолько были прилипшими к голове. Пахло от него потом и чем-то сальным — то ли от одежды, то ли от привычки вечно вертеться у прилавка, где торговали вяленой рыбой и копчёным салом.

Но он был купец — уважаемый в селе человек, — и никто слова ему поперёк сказать не смел. Разве что тётка Хавронья. Она одна могла подколоть его при всём честном народе, и Агафон, что удивительно, ей это прощал. Побаивался он её — не ногами, не кошельком, а языком. Острым, как серп, и таким же быстрым. Потому на все подколы лишь кряхтел, вытирал лысину платком и бурчал: «Ну, Хавронья, ну, дай хоть праздник справить спокойно». А она, оперев руки в бока, уже раздавала указания девкам, и праздник катился своим чередом.

Яга сладко потянулась на своей пуховой перине, чувствуя, как утренняя прохлада ещё держится в углах чердака. Она открыла глаза: во второе, маленькое окошко уже пробивался дневной солнечный блик — яркий, тёплый, обещающий погожий день. Паук Сиян дремал в своей паутине, травы под потолком источали тонкий, успокаивающий аромат, а мотанка, как всегда, безмолвно смотрела пустыми глазницами в потолок.

Девушка поправила взъерошенные седые пряди, быстро заправила перину и, достав из сундука белое льняное платье — одно из повседневных, расшитое скромной, но искусной вышивкой по рукавам и подолу, — натянула его через голову. Пригладила волосы, насколько это было возможно без гребня, и спустилась по скрипучей лесенке вниз.

В горнице пахло свежими блинами. На столе, под чистым полотенцем, ждала стопка — пышная, ещё тёплая, — а рядом стояла плошка с густой сметаной. И аккуратно сложенная записка.

Яга взяла её в руки и пробежала глазами:

«Я ушла по делам, родная. Поешь и не опоздай на сбор летний — сбор трав».

Девушка чуть не поперхнулась воздухом.

— Травы! Как я забыла? День сбора трав!

Она быстрее накинула на плечо холщовую сумку, натянула обувь и, схватив со стола блин, с ним во рту вылетела на улицу, на ходу дожёвывая. Солнце уже поднялось, и где-то у опушки её ждали остальные девушки. Она бежала со всех ног. Ветер свистел в ушах, седые пряди развевались за спиной, а подол белого льняного платья хлестал по щиколоткам. Дорога вилась через всё селение, и куда ни глянь — всюду кипела работа.

Мужчины занимались своими делами: кто пас скот на дальнем выгоне, покрикивая на коров и подгоняя отставших хворостиной; кто плотничал — стучали топоры, летела щепа, и пахло свежим деревом и смолой; кто трудился в кузне — оттуда доносился мерный звон молота о наковальню и тянуло горьковатым дымом. Несколько парней таскали воду от колодца — ведра на коромыслах плескались, оставляя на пыльной дороге тёмные капли. Мальчишки и девчонки, совсем ещё малые, тоже были при деле: кто кур кормил, кто гусей гнал к реке, кто бежал с поручением от мамки — отнести, позвать, помочь.

Яга неслась мимо, едва замечая всё это. Она опаздывала. И потому, вылетая из-за поворота, чуть не сбила с ног Пересвета — тот как раз шёл от кузни, задумавшись о чём-то своём.

Он покачнулся, взмахнул руками, но удержался на ногах и только зыркнул на неё своими большими голубыми глазами. Но Яга его опередила, схватив за плечи:

— Пересветик, миленький, ты живой?!

Пересвет выдохнул, поправил рубаху и посмотрел на неё. Его русая, аккуратная шевелюра едва колыхалась по ветру — он всегда был опрятен, в отличие от Яги, чьи волосы вечно торчали во все стороны. Уголки его губ чуть приподнялись.

— Живой, — ответил он.

Пересвет знал Ягу с детства. Она была ему как сестра: добрая, искренняя, всегда готовая прийти на помощь, хоть и с острым языком и тяжёлой рукой. За словом в карман эта девка не лезла, и тумачков могла раздавать — лучше было не злить. Но душа у неё была куда добрее, чем знали другие.

Сколько раз она слёзно просила его помочь: то лисёнка из капкана освободить, то зайчонка с перебитой лапкой выходить, то птичке для крыла смастерить держатель, чтобы крыло

могло срастись после бойни с орлом. И он никогда не отказывал. Да и не мог — перед её искренностью он был безоружен.

— Всё хорошо, — сказал он, поправляя лямку на плече. — Ты опаздываешь?

— Да, и очень сильно!

— Смотри только по пути ураган не призови, а то летишь словно вихрь.

Яга по-братски улыбнулась, привстала на цыпочки и звонко чмокнула его в лоб.

— Спасибо, Пересветик! Я потом! — и побежала дальше, оставляя парня в лёгком недоумении и с тёплой улыбкой на лице.

В этот момент тётка Хаврония, стоявшая во главе девичьей стайки, пересчитывала подопечных. Палец её, загруbevший от серпа, поочерёдно указывал на каждую:

— Десять... одиннадцать... Ясенька, дочка, а где твоя неугомонная подружка?

Ясена открыла было рот, но ответить не успела — её опередила Чернавка. Та скрестила руки на груди и с лёгкой усмешкой, от которой веяло чем-то недобрым, бросила:

— Что с юродивой взять? Она опять, небось, свой серп потеряла. Худовая.

Чернавка глянула на Сияну, ища одобрения, и та с готовностью подхватила смехом — звонким, деланным, рассчитанным на то, чтобы услышали все.

— А ну-ка цыц, сороки! — цыкнула на них Хаврония так, что обе разом притихли. Голос у неё был негромкий, но такой, что спорить никому и в голову не приходило.

И тут, словно лань, из-за поворота вылетела Яга. Растрёпанная, запыхавшаяся, она махала рукой, давая понять, что уже здесь.

— Явилась наша дурнушка, — процедила Сияна себе под нос, но недостаточно тихо.

Яга остановилась у кромки собравшихся, поправляя сбившиеся седые пряди и одёргивая подол.

— Лучик мой ясный, ты припозднилась, — сказала Хаврония, и в её голосе не было укора — скорее, тепло.

— Да я тут, — выдохнула Яга, всё ещё пытаясь отдышаться.

Ясена, не говоря ни слова, подхватила подругу под руку. Девушки двинулись в лес — за травами, за запахами лета, за тем, что росло только в эту пору. А позади, у крайних дворов, остались суетливые голоса села, и впереди ждала опушка, полная зверобоя.

Поляна была в лесу, и такая, что зайдя на неё, дышалось иначе. Не так, как в поле, не так, как на деревенской улице, не так, как на собственном чердаке. Здесь сам воздух казался иным — гуще, слаще, напоенным солнцем и травами до самого предела. Будто боги когда-то, в начале времён, отметили это место особой милостью: раздвинули ели, убрали тень, наполнили светом и сказали — «пусть здесь растёт».

Деревья окружили поляну, как стражи, — ровным, почти правильным кругом, словно их посадила чья-то заботливая рука. Ели стояли плечом к плечу, берёзы белели тонкими стволами, и даже старый клён, что рос с краю, выгнулся так, чтобы не заслонять солнце. А в самом центре, в средоточии этого зелёного храма, возвышался величавый дуб.

Его крона была огромной — целый мир, полный шороха листьев и птичьих голосов. Ветви раскидывались так широко, что в их тени могло бы укрыться целое стадо, а корни, узловатые и мощные, уходили в землю, как руки великана, что держат само мироздание. Под дубом не росло ничего — только мох да несколько белых грибов, маленьких и чистых, как детские ладошки. А дальше, от самых корней и до кромки леса, раскинулась целая россыпь цветов.

Иван-чай поднимал свои розовые свечи, ромашки желтели серединками, колокольчики качались от малейшего ветерка. Лютики горели жёлтым, клевер стелился под ногами, и дикая мята, чуть примятая, отдавала в воздух свою прохладную, терпкую ноту. Но главным здесь был зверобой. Целое море зверобоя. Его золотистые соцветия, собранные в пышные кисти, тянулись к солнцу, и казалось, что сама земля светится изнутри — так много было этих цветов.

Они покрывали добрую половину опушки, и когда ветер пробегал по ним, поляна начинала волноваться, как вода.

Девушки в рассыпную расползлись по опушке — кто с серпом, кто с туеском, кто просто с охапкой холщовых мешочков. Их голоса звучали приглушённо, почти благоговейно: даже Сияна, что обычно не умела молчать, здесь говорила тише. Место этого требовало. Место, которое боги выделили солнцем.

У Яги на это дело рука была намётана. С самого детства, сколько она себя помнила, они с мамой поднимались затемно, ещё до первых петухов, накидывали холщовые сумки и уходили в лес — по росе, по туману, по едва заметным тропам, что знали только они. Каждый месяц имел свои соцветия: в мае — крапиву и сныть, в июне — зверобой и липу, в июле — душицу и пижму, в августе — полынь и тысячелистник. И так вплоть до самой зимы, пока травы не прятались под снегом.

Многие девушки в селе собирали травы исключительно для готовки или мелкой хворобы: ромашку от живота, мяту для взвара, подорожник к ране. Но Ува с дочерью знали больше. Гораздо больше. Ува с детства обучала Ягу всем премудростям, что познала от своих предков, — а те, в свою очередь, от своих. Это была длинная, долгая цепь знаний, тянувшаяся из глубины веков, и порой Яге казалось, что она помнит то, чему её никогда не учили — оно просто жило в ней, как дар, как кровь.

Мало кто из местных знал, что хороший взвар на основе ромашки, липы, шалфея и корня тысячелистника может унять самую жестокую боль в желудке. А Яга знала. Знала, как выходить молодого парня, что потом исходит и бредит, — нужен особый отвар из коры дуба, облепихи, калины и сушёной черники, да ещё и правильное слово на убывающую луну. Знала, как помочь после укуса змеи: вытянуть яд из раны, приложить разжёванный подорожник, напоить крепким взваром из календулы и ни в коем случае не давать уснуть. И многое другое знала — то, о чём другие даже не догадывались.

Ведьмы, что с них взять. Так о них говорили за спиной — без злобы, скорее с опаской. Но за то и уважали, и лишний раз старались не ссориться. Когда у кузнеца сын падал в горячке, когда у доярки корова не вставала, когда у самой Хавронии внук от старшего сына начинал кашлять так, что грудь разрывалась, — все шли к Уве. А теперь, когда Яга подросла, шли и к ней. И никто не вспоминал тогда ни про «ведьм», ни про пересуды. Просто просили. Просто получали помощь.

Лишь молодое поколение — Сияна, Чернавка и им подобные — порывалось что-то подшутить, отпустить колкость, хихикнуть за спиной. Но ведающая женщина на то и ведающая, чтобы не обращать внимания на пустозвоние. Яга усвоила это рано. Мать учила: «Собака лает — ветер носит. Ты своё дело делай, а слова пустые мимо ушей пропускай». И она пропускала. Почти всегда.

Процесс этот занял время до полудня. Солнце поднялось высоко и начало припекать, когда последние пучки зверобоя, перевязанные льняной нитью, легли в корзины. Девушки покраснелись, устали, но были довольны — сбор удался на славу.

Потом все обычно разбредались по домам: кто-то к печи, кто-то к скотине, кто-то к огороду. Но те, что помоложе и ещё не обзавелись собственным хозяйством, собирались во дворе у тётки Хавронии. Та всех учила и помогала: как правильно обработать растения для дальнейшей сушки, как разложить, чтобы не запрели, как повесить под крышей, чтобы ветер обдувал, а солнце не жгло. К ней ходили почти все будущие хозяйки — учиться тому, что непременно пригодится в замужней жизни. Кроме Яги. Та и так всё знала и в наставлениях не нуждалась.

Когда девушки шли по улице, Хавронья вдруг ловко поймала под руку Ягу с одного бока и Ясену — с другого.

— Так, девочки, отказ не принимается. Сегодня все мы закончили рано, и твоя мамка ещё явно не дома, — она глянула на Ягу, — поэтому пойдёшь с нами. И не спорь.

Яга попыталась что-то возразить, открыла рот, но Хавронья уже заволокла обеих во двор, и дверь за ними захлопнулась. Спорить было бесполезно.

Двор у Хавроньи был просторный, крытый, с добротным навесом, под которым и в дождь можно было работать. Девушки наносили воды из колодца — полные вёдра, тяжёлые, расплёскивая на траву холодные капли. Расстелили на длинном столе чистые льняные ткани — для тех трав, что будут сушиться в тени. Перебрали корзины: отделили зверобой от мяты, полынь от душицы, разложили по сортам, по пучкам. Хавронья ходила между ними, поправляла, показывала, объясняла. Работа шла споро, и недавняя усталость сменилась тихой, мирной сосредоточенностью. Яга, сама того не заметив, втянулась и уже без прежней неловкости резала стебли, подвязывала пучки и краем уха слушала, как девушки перешёптываются о своём.

Тут резко подала голос Сияна. Она сидела с пучком мяты в руках, но работа явно не занимала её мысли — слишком уж задумчиво она смотрела куда-то поверх голов.

— Тётка Хаврония, а правда, что за Калиновым мостом есть Яблонька, на которой яблоки целебные, и молодость они могут даже старухе вернуть?

В горнице стало тихо. Даже Чернавка, что обычно поддакивала подруге, замерла с открытым ртом. Тётка Хаврония улыбнулась — той особенной улыбкой, что бывает у пожилых женщин, когда они собираются рассказать что-то, что слышали ещё от своих бабок. Она отложила пучок душицы, вытерла руки о передник и начала:

— Правда, Сиянушка.

Яга подняла глаза от работы, но рук не остановила — руки помнили своё: стебель к стеблю, листик к листику. А тётка продолжала, и голос её звучал мягко, как летний дождь за окном:

— Говорят, растёт за Калиновым мостом, что охраняет Горыныч, дерево, что струится золотым светом. Ствол его — как литое солнце, листья — серебряные, и когда ветер касается их, они звенят, как колокольчики. А на ветвях растут золотые плоды, и тот, кто откусит хоть кусочек этого плода, будет молод и силен, а красив так, что глаз не отвести.

Хаврония замолчала на мгновение, обвела взглядом притихших девушек и добавила:

— Но это всё сказки, милые мои. Красивые, да сказки.

Сияна, однако, не сдавалась. Глаза её загорелись, и она, отложив мяту, подалась вперёд:

— А если не сказки, тётка Хаврония? Вот как найду я такое яблочко — да буду краше всех девиц в нашем селе!

Хаврония усмехнулась в усы и покачала головой:

— Ты и так красива, Сиянушка. Но нет ещё такого яблока, что укоротит твоего языка.

Грянул хохот — звонкий, девичий, рассыпчатый. Смеялись все: и Чернавка, и Ясена, и остальные девушки. Даже Яга, что обычно не участвовала в общем веселье, подняла уголок губ. А когда смех утих, она спросила — тихо, но отчётливо:

— А что это — Горыныч, тётя?

Хаврония повернулась к ней и снова улыбнулась — теперь уже мягче, теплее, словно радуясь, что хоть кто-то спрашивает о сути, а не о яблоках.

— Горыныч? — переспросила она. — Змей это, милая. Или ящер. Лично я не видела его, врать не стану. Но поговаривают, что опасен он и велик. Есть у него три головы: одна смотрит в прошлое, другая — в настоящее, а третья — в будущее. И стережёт Горыныч мост в другой мир от злых сердец. Не всякого пускает. И не всякому даёт пройти.

Она помолчала, поправила разложенные на столе травы и продолжила — теперь уже нараспев, как старую былинку:

— А мир тот соткан из трёх начал: Прави, Межмирья и Нави. В Прави — Боги Светлые, те, что правят светом, солнцем, дождями и урожаем. Они дали людям законы и следят, чтобы мир не сбился с круга. В Нави — Тёмные Боги. Не злые, нет, — просто иные. Они ведают тайнами, что скрыты от глаз, и властвуют над тем, что должно оставаться в покое. А в Межмирье

— неупокоенные души, что тяготятся по земле, не веря, что ушли, покинули бренный мир. И много других нечистиков там обитает — тех, кого ни в Правь, ни в Навь не пустили. Оттого мир Межмирья скрыт от глаз людей. Чтобы не совращать человеческую душу. Чтобы люди жили едины с богами в цикле перерождения, не боясь смерти и не омрачая свою душу страхом.

Она замолчала. В горнице повисла тишина — только травы шелестели под пальцами. Девушки сидели, затаив дыхание, и даже Сияна забыла про свои мечты о яблоках. А Яга смотрела на Хавронью, и в груди у неё что-то медленно, очень медленно становилось на своё место. Межмирье. Калинов мост. Горыныч. Значит, это не просто сны. Значит, это существует.

Все потихоньку разбрелись по домам. Вечер уже вступал в свои права: солнце скатилось к верхушкам елей, и небо над селом окрасилось в мягкие розовато-сиреневые тона. Праздник приближался, и мысли о нём занимали всех — от мала до велика.

Дни до праздника шли ладно. Добрая часть населения с самого утра трудилась не покладая рук: кто в поле, кто в кузне, кто в хлеву, кто у прялки. Но едва дневная работа была закончена, люди не спешили расходиться. Вечером на поляне у реки закипала другая, праздничная работа. Туда тянулись и стар и млад: мужчины доколачивали помост для костра, проверяли крепления, подтаскивали недостающие брёвна. Молодёжь под руководством деда Прохора украшала столбы лентами, а самые ловкие парни взбирались наверх, чтобы закрепить огромное колесо — символ вращения колотода. Женщины развешивали гирлянды из трав и цветов, поправляли украшения на столбах, готовили всё к завтрашнему дню. Еду же каждая хозяйка вынесет завтра — прямо в день праздника, с пылу с жару, как положено.

Поляна постепенно преображалась. Пахло свежей стружкой, смолой, цветами и предвкушением. В воздухе витало то особое, приподнятое настроение, что бывает только перед большим праздником. Завтра наступит самая короткая ночь года. Ночь, когда зажгут огромный костёр. Ночь, когда границы между мирами истончаются.

День праздника постучался в каждое окно. Солнце взошло ясное, щедрое, и лучи его, пробиваясь сквозь занавески, золотили половицы. Девушки с самого утра прихорашивались, надевали сарафаны ладные — расшитые, бережёные, что хранились в сундуках для особого дня. Доставали украшения, что передавались по наследству: бусы из речного жемчуга, медные подвески, вышитые пояса. В домах пахло пирогами и взваром, а на улицах стояла непривычная тишина. Даже ребяшня, которую в обычный день было не загнать домой, носилась по дорогам тихо, без визга — чтоб не мешаться под ногами у взрослых.

Яга проснулась, села на край перины и замерла. Паук Сиян мирно висел в своей паутине, травы пахли полынью и мятой. Где-то внизу уже хлопотала Ува. Праздник. Нужно выходить в люди. Надевать нарядное, стоять у всех на виду, терпеть взгляды — и добрые, и не очень. «Не моё это всё», — мелькнула привычная мысль. Но мама радовалась этому дню, и быть рядом с ней было важно. Поэтому Яга тряхнула седыми прядями и полезла вниз по лесенке.

Ува стояла у стола, сосредоточенно откусывая нитку — она только что закончила подшивать что-то большое, чёрное, переливающееся в утреннем свете.

— Доченька, ты уже проснулась, моя дорогая! — она подняла глаза и улыбнулась. — А я тут подарок тебе подготовила.

Яга потёрла глаза, всё ещё сонная, и глянула на мать. Та развернула платье. Чёрное, как ночь, с вышивкой золотыми и красными нитями. Узоры шли по подолу, по рукавам, по вороту — незнакомые, древние, завораживающие. Ткань струилась в руках Увы, как живая, и в ней было что-то такое, отчего у Яги перехватило дыхание.

Только Ува знала, что такое же платье когда-то принадлежало матери Ягины — Айхане. И она, собравшись с духом, призналась:

— Моя родная, такое платье когда-то надевала твоя ма... — она помедлила, не зная, как продолжить, как подобрать слова, которые не ранят ни её саму, ни дочь. — Мама. Твоя настоящая мама. В день свадьбы с твоим отцом.

Яга замерла. Она смотрела на платье — на его чёрную глубину, на золотые и красные нити, — и вдруг поняла. Поняла, чего стоило Уве сделать этот подарок. Как трудно ей было решиться. Как боялась она, что дочь оттолкнёт память о той, другой, и как всё равно сделала это. Потому что любила. Потому что хотела, чтобы у Яги была связь с корнями — даже если эта связь проходила через чужое сердце.

— Матушка любимая моя, — выдохнула Яга, и голос её дрогнул. — Ты такое красивое платье сделала...

Она взяла её руки — те самые, что держали платье, натруженные, родные — и поцеловала их. Сначала одну. Потом другую. А потом крепко обняла, уткнувшись лицом в плечо. И они стояли так долго — мать и дочь, — а чёрное платье лежало между ними, как память, как прощение, как любовь, что больше, чем кровь.

Девушка примерила платье, и оно ладно заструилось по её телу — чёрное, с золотыми и красными узорами, что обвивали подол и рукава, как древние знаки. Сидело оно так, будто было создано именно для неё — ни ушить, ни подогнуть. Яга провела ладонью по вышивке и на мгновение замерла. Ей показалось, что сквозь ткань она чувствует что-то ещё — тепло, память, отголосок чужой любви.

Ува подпоясала дочку тонким пояском с бережной вышивкой, расчесала её седые пряди и, отступив на шаг, залюбовалась. А потом занялась собой: привела причёску в порядок, надела свой любимый красный сарафан с белой рубахой. Почему-то красный цвет всегда навевал ей воспоминания о возлюбленном Огнеяре — о его сильных руках, о доброй улыбке, о том коротком, но ярком счастье. Поэтому этот цвет она носила только по праздникам. Она тихонько вздохнула, понимая, что никого и никогда больше не полюбит так, как его. Повязала красный расписной платок и вышла с дочерью во двор.

Они шли по улице, и одна за другой из домов выходили женщины — нарядные, торжественные, с корзинами и угощениями. Дойдя до середины деревни, тётка Хаврония заметила Уву и устремила к ней, раскинув руки.

— Ува, здрава будь! С праздным днём тебя, да будет твоё сердце легко, как этот день!

— Здрава будь, Хаврония, — улыбнулась Ува.

Тут из-за спины тётки показался её муж — дед Прохор, сухой, крепкий, с седыми усами и добрыми глазами.

— И тебе здрав будь, Прохор.

Мужчина кивнул, приложив руку к груди. Все обменялись любезностями, но тут из дома Хавроньи вылетела Ясена — и все невольно обернулись. Красное ладное платье с богатой вышивкой облегалo её статную фигуру. На груди — красивые алые бусы, на плечах — лёгкий платок. Тугая коса спускалась по спине, и в ней алели ленты, вплетённые в рыжие волосы, что горели на солнце, как расплавленная медь. А на голове — кокошник, да не простой, а расшитый жемчугом, какие носят девушки на выданье. Хавронья давно говорила, что Ясена в девках засиделась, и, видно, дочь наконец решила напомнить всем, что готова.

Следом показалась Сияна в синем платье, что блестело на солнце, как рыба чешуя. За ней семенила Чернавка в зелёном — и всё приданое на ней, как на витрине. Ясена, завидев подругу, улыбнулась и тихо шепнула Яге на ухо:

— Как сорока вырядилась. Обёртка красивая, а Бажену всё равно любя я.

Яга закатила глаза. Такое ей было не по душе — эти женские игры, соперничество, шёпотки за спиной. Но Ясену она любила, а потому промолчала. Только поправила пояс на платье и шагнула ближе к матери.

Следом показался Бажен. Статный молодой парень с золотыми кудрями, что вились над высоким лбом, и красивыми серыми глазами, в которых всегда плясала лёгкая, чуть снисходительная усмешка. Одет он был в нарядную рубаху цвета спелого поля, расшитую по вороту

и рукавам, подпоясанную дорогим поясом. Он знал себе цену и выбирал только достойных из имеющихся девиц.

Бажен был младшим сыном того самого купца Агафона — статный, изящный, и отец давно желал сосватать его с купеческой дочкой из соседнего села. Но тот заявил, что сам себе суженую найдёт, и перебирал одну за другой местных девок, не торопясь с выбором. Девкам он был люб — всем, кроме Яги.

Завидев мать Ясены, Бажен поклонился до самой земли и спросил с той особой учтивостью, что бывает только у тех, кто точно знает, чего хочет:

— Соболаговолит ли такая красота, как ваша дочь, Прохор Веленыч и Хаврония Авдотьевна, провести этот праздник рядом со мной?

Прохор был не многословным дядькой, но тут расплылся в улыбке и повернулся к жене: — Хаврошенька, душенька...

В их семье всё решалось ладно и по общему согласию. Хаврония, чуть помедлив, тихо сказала:

— Одобряю, Бажен Агафонович.

Прохор подхватил и громче добавил:

— Идите, дети мои!

Бажен приобнял красавицу Ясену и вальяжно повёл её по дороге — так, чтобы все любовались той, которую он урвал на этот праздник. Ясена, рыжеволосая и сияющая, шла рядом, и в её глазах плясали искорки счастья.

Все двинулись к столам. Ува с Ягой шли вместе, и никто не обернулся на черноволосую Сияну, что осталась позади. Но Яга, оглядев толпу и не заметив привычного надоедливости смеха, вдруг поняла: Сияны нет.

— Я сейчас, — шепнула она матери и скользнула обратно.

Вернувшись на место, где последний раз видела соперницу, она остановилась. Вокруг раздавались радостные крики — праздник набирал ход. Но Сияны нигде не было. И тут в поле, среди ещё не перепаханных сорняков, послышался тихий, приглушённый всхлип.

Яга пробралась сквозь заросли и увидела её. Сияна сидела прямо на земле, в своём роскошном синем платье, среди примятых стеблей. Черноволосая красавица подняла глаза — полные слёз, но по-прежнему гордые.

— Что тебе нужно, юродивая?

— Чего слёзы проливаешь, Сияна?

— А тебе-то что?

— Да ничего, — хмыкнула Яга.

— Вот и иди, Ягинья, отсюда, пока не получила! — рывкнула на неё Сияна, и в голосе её дрожала не только злоба, но и боль.

Яга зыркнула на неё и поняла: по-хорошему с этой девкой не получится никогда. Слишком много колючек, слишком много гордости. И, уже поворачиваясь, чтобы уйти, бросила через плечо:

— От того, что ты себя жалеешь, мужчины в мире не заканчиваются.

И ушла, оставив Сияну среди сорняков. А за спиной её, над полем, разгорался праздник.

Празднество было с размахом: столы ломились от угощений, кувшины с медовухой и взваром ходили по кругу, песни звучали одна за другой — то протяжные, застольные, то озорные, плясовые. Дети носились между лавок, старики, изрядно захмелевшие, затянули старую кологоднюю песню, и голоса их, хрипловатые, но слаженные, плыли над поляной. Молодёжь уже собиралась у реки — девушки с венками в руках, парни с лукавыми улыбками. Ещё немного — и начнут пускать венки по воде, загадывать на суженых.

И тут к столу подошла Сияна.

Она появилась из-за спин, как тень, и молодняк, что уже было двинулся к реке, замер. Старик примолкли, оборвав песню на полуслове. Девушка была зареванная: глаза красные, опухшие, тушь размазана по щекам, но взгляд — горящий, полный отчаянной, пьяной решимости. Она схватила со стола бутылку горилки и, не поморщившись, залпом выпила несколько больших глотков. Как на душе было худо — так и пила.

Отец с матерью зыркнули на дочь. Мать прижала ладонь к груди, отец подался вперёд, готовый вскочить, но супруга осадила его, схватив за рукав. Не надо. Не сейчас. Сияна же их не замечала. Она обвела всех присутствующих мутным, горячечным взглядом и заговорила — громко, срывающимся голосом, в котором звенели слёзы и злоба:

— Эвано какое празднество вы сделали, да, тётка? Всё-то у вас ладно... А я? Обо мне кто-нибудь вспомнил?

Отец дёрнулся, но мать снова удержала его, всем видом показывая: не вмешивайся.

— А вы что, папенька с маменькой? Тоже праздник радует вас? — Сияна горько усмехнулась. — Да пропадите вы все пропадом! Как я вас ненавижу! Пусть провалится всё ваше худое село!

Все переглянулись. Кто-то охнул, кто-то отвёл глаза. А Сияна повернулась к Бажену, что стоял рядом с Ясеной, и голос её дрогнул:

— А ты, Бажен... Совет тебе да любовь с такой ведьмой, как Ясена. И будьте вы прокляты со всем селом. Горько!

Она выпила ещё — почти четыре глотка, больших, с расстановкой, словно каждый был тостом на собственных похоронах. Потом взяла со стола пучок лука, откусила, прожевала, запила ещё парой глотков и, пошатываясь, побрела в сторону леса.

Отец вскочил, но было поздно. Сияна уже скрылась среди деревьев, и только колыхнулись ветки там, где она прошла.

Сначала повисла тишина. Густая, неловкая, какая бывает, когда кто-то обнажает душу перед всеми — рвано, больно, без прикрас. Гости переглядывались, не зная, куда деть глаза. Но тишину нарушила тётка Хаврония. Она поднялась, обвела всех спокойным, уверенным взглядом и сказала громко, так, чтобы слышал каждый:

— Что же, господа, не будем омрачать праздник. Сияна просто бражки перепила. Завтра всё будет ладно.

Голос её прозвучал ровно, почти буднично, и это подействовало. Кто-то выдохнул, кто-то закивал, старики снова затянули песню. Хаврония еле сгладила конфликт, и постепенно веселье вернулось на поляну — пусть и не такое громкое, как прежде, но всё же.

Ува, всё это время молча наблюдавшая, наклонилась к дочери и тихо шепнула ей на ухо:

— Яга, родная, найди её. Лучше нас никто тропы в лесу не знает. А искать её начнут только поутру. Неизвестно, что дурёха с собой вздумает учудить.

Яга кивнула. Она и сама уже думала об этом. Тихонько, стараясь не привлекать внимания, она растворилась в толпе — мимо пересудов, мимо ссоры матери с отцом Сияны, что уже начинали выяснять, кто виноват, — и побрела к лесу. Туда, где среди деревьев скрылась черноволосая красавица с бутылкой горилки и сердцем, полным отчаяния.

Глава 3 Русалий Берег

Яга зашла в лес и почти сразу заметила примятую траву. Для чужого глаза — просто сбитые стебли, но для неё — ясный след, читаемый, как строка в книге. Она пошла по нему быстро и бесшумно, привычно огибая коряги и перепрыгивая замшелые валуны. В тишине леса раздались знакомые всхлипы — сдавленные, горькие, — но потом они затихли.

Яга пробралась через кусты и поваленные поленья легко и очень тихо, как учила мать: ни одна ветка не хрустнула, ни один лист не шелохнулся. На берегу зацветшей речки, чья гладь мерцала зелёной ряской, стояла старая ива. Она склонила свои длинные, плакучие кроны к самой воде, и под этим живым шатром, на замшелом корне, сидела Сияна.

Яга уже хотела выйти к ней, но вдруг услышала тихий-тихий шёпот. Он был незнакомым, женским, тягучим, как мёд, и красивым, как песня, что звучит только раз в году.

— Он не достоин твоей красоты, Сиянушка. Ты молода, юна, а он лишь тень твоего прекрасного лика...

Яга замерла за стволом ивы и осторожно выглянула. То, что она увидела, заставило её сердце пропустить удар. Рядом с Сияной, у самой кромки воды, сидела русалка. Волосы её были синими, как глубокая вода в омуте, и струились по плечам, переливаясь, будто живые. Лицо — тонкое, нежное, с огромными глазами цвета речной тины. Сложена она была ладно и гибко, а ноги её прикрывал зелёный настил из водорослей и речных трав, так что нельзя было понять, то ли это хвост, то ли просто обман зрения.

«Дело худо, — мелькнуло в голове у Яги. — Спугнёшь — утащит Сияну в свой омут. Что делать? Что делать?»

Сияна сидела неподвижно, замороженная, слушая сладкие речи русалки. А та всё шептала, всё гладила воздух вокруг неё своими бледными руками. И вдруг — глянула в сторону ивы. Их взгляды встретились. Глаза Яги — и глаза русалки, зелёные, глубокие, знающие. Русалка улыбнулась — не зло, не страшно, а скорее понимающе, словно они были старыми знакомыми. А потом, махнув на прощание хвостом, резко скрылась в воде. Только круги разошлись по поверхности, да ряска сомкнулась обратно.

Сияна встала, пошатываясь, и растерянно спросила в пустоту:

— Куда ты?..

Она ещё не понимала, что только что стояла на краю. Яга выдохнула и шагнула из-за ивы.

— Сияна, — тихо позвала Яга, выходя из-за ивы.

Сияна обернулась на голос, всё ещё затуманенная, всё ещё во власти чужих сладких речей. И в этот самый миг из воды, взметнув фонтаном брызги, вылетела бледная рука — длинные пальцы с перепонками, острые ногти, — схватила её за щиколотку и резко, с нечеловеческой силой, потащила в омут. Сияна даже вскрикнуть не успела — только взметнулись чёрные волосы над поверхностью, и вода сомкнулась над ней с глухим, утробным звуком.

Яга не раздумывала ни секунды. Она нырнула следом, прямо в ледяную глубину. Холод обжёг тело, платье намокло и потянуло вниз, но Яга отчаянно работала руками и ногами, пробиваясь сквозь толщу воды. Впереди, в зеленоватом сумраке, она видела, как рука Сияны уходит всё глубже, увлекаемая тёмными тенями. Яга тянулась к ней изо всех сил, но пальцы скользили, не ухватывали. А потом откуда-то из глубины, из тёмных заводей, подплыли другие — русалки. Бледные, с распущенными волосами цвета тины и ряски, они окружили её со всех сторон. Их лица были прекрасны и страшны одновременно: большие, немигающие глаза, тонкие улыбки, острые зубы. Они не нападали — они хватали её за платье, за руки, за волосы, тянули вниз, в след за Сияной.

«Худо дело», — мелькнуло в голове у Яги. Она билась, вырывалась, но их было слишком много. Холод проникал в кости, воздух в лёгких заканчивался. «Вот и закончилась история Ягиньи, дочки волколака Юмэя», — подумала она, и эта мысль была почти спокойной.

И тут над головой озеро озарилось синим пламенем. Оно вспыхнуло прямо в толще воды — яркое, ослепительное, невиданное. Русалки взвизгнули, отпустили её, шарахнулись в стороны, как рыбы от огня. Яга, не теряя ни мгновения, рванулась вперёд, схватила уже потерявшую сознание Сияну за волосы и, работая ногами с такой силой, какой сама от себя не ожидала, вырвалась на поверхность. Она вылезла из реки, задыхаясь, волоча за собой обмякшее тело.

Их отнесло течением довольно далеко. Яга огляделась — лес, камни, узкая полоска берега. Она вытащила Сияну на большой плоский валун и уложила на спину. Девушка лежала бездыханно: губы посинели, лицо бледное, грудь не вздымалась. Яга чертыхнулась, проверила дыхание — нет. Тогда она, как учила мать, начала делать массаж грудной клетки: ритмично, сильно, надавливая обеими руками. Раз, два, три... Потом зажала ей нос, приоткрыла рот и вдохнула воздух. Снова нажатия. Снова вдох. Вода стекала с её собственных волос, платье прилипло к телу, руки дрожали от холода, но она не останавливалась.

— Давай, Сияна, давай! — шептала она, вдавливая ладони в грудь. — Ты же боевая девка! Не смей!

И вдруг Сияна дёрнулась, захрипела, изо рта хлынула вода. Она закашлялась, перевернулась на бок, судорожно хватая воздух. Яга откинулась на пятки и закрыла глаза. Жива.

Откашлявшись, Сияна глянула на свою спасительницу и вместо слов благодарности рявкнула:

— Кто тебя просил, юродивая?!

Яга приподняла уголок губ и процедила сквозь зубы:

— Вот и помогай после всего людям.

Сияна обняла свои ноги, мокрое платье прилипло к телу и заставило её дрожать — то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Несколько мгновений она молчала, глядя на тёмную воду, что ещё недавно едва не стала её могилой. А потом неожиданно тихо, почти шёпотом, произнесла:

— Благодарю тебя, Ягинья.

Яга кивнула, приняв эти слова так же спокойно, как принимала всё в своей жизни. Оглядела Сияну — мокрую, дрожащую, жалкую и одновременно красивую в своей растерянности — и сказала:

— Глупости эти прекращай. И иди к матери с отцом, они очень переживают за тебя, дурёху. А Бажен твой... глупый и пустозвон. Не знаю, что вы все в нём нашли.

Сияна, едва протрезвевшая, еле-еле кивнула, осознав, какую глупость только что чуть не совершила. Слёзы снова навернулись на глаза, но теперь это были другие слёзы — не злые, не горькие, а очищающие.

— Прости меня за всё, Ягинья. Ты не дурёха и не юродивая... Глупая из нас только я. Прости за всё...

Она встала, покачнувшись на ослабевших ногах, и протянула Яге руку. Ладонь её была холодной, мокрой, но жест — искренним.

Яга посмотрела на эту ладонь, потом на Сияну и спокойно ответила:

— Ты иди. А то сейчас батька твой будет по лесу рыскать, тебя искать. Не ровён час — заблудится и сгинет.

— А ты?

— Я дух переведу и за тобой сразу.

Сияна помедлила, потом кивнула и, подобрав подол тяжёлого от воды платья, побрела по тропе обратно к деревне. Яга проводила её взглядом, убедилась, что та идёт ровно, и только тогда позволила себе опуститься на камень и выдохнуть.

Как только Сияна скрылась за деревьями, взор Яги изменился. Она устремила взгляд на озеро, и глаза её — зелёно-карие, — только что уставшие и почти безразличные, стали острыми, цепкими, как у зверя, почуявшего опасность. Она знала: та, что прячется в глубине, никуда не ушла.

И верно. В тёмной воде, среди колышущейся ряски, блеснули знакомые глаза. Русалка, поняв, что никого из людей рядом нет, чуть вынырнула из воды — сначала одни глаза, потом бледное лицо, потом плечи, покрытые синими прядями. Она оглядела берег, уперлась тонкими руками в камень и заговорила. Но теперь голос её не был сладким — скорее, любопытным.

— Чья ж будешь, ведунка?

— Сама своя, — ухмыльнулась Яга, но взгляд остался суровым, не изменился ни на миг.

— Врёшь, — русалка склонила голову набок, и в её зелёных глазах мелькнуло что-то древнее, знающее. — Ты не людям не принадлежишь. Не нам. Не духам... Чья ж ты будешь? — повторила она.

Яга молчала. Русалка протянула руку — длинную, бледную, с перепонками между пальцев, — и снова запела. Тихо, вкрадчиво, так, что звук этот не шёл через уши, а проникал прямо в грудь, обволакивая сердце.

— Вижу, вижу, ты наша, родная. Ты Межмирец. Дай мне руку... Я провожу тебя в Царствие покоя. К твоим покойным родителям. К твоей судьбе...

Глаза Яги помутнели. Мир вокруг поплыл, стал мягким, туманным, ненастоящим. Она уже не чувствовала холода мокрого платья, не слышала плеска воды. Только этот голос. Только эта рука. Она протянула свою — медленно, как во сне. Туда, где ждала её та, что только что чуть не утащила её в темноту.

Но над самой её головой раздалось громкое, резкое:

— Кка-а-а-ар!

Птица — крупная, чёрная как уголь, — пронеслась над водой и каркнула так пронзительно, что Яга вздрогнула всем телом. Она отшатнулась от воды, часто задышала, осознав в одну секунду, что делала. Русалка оскалилась, сверкнула острыми зубами и без всплеска ушла в глубину.

Яга сидела на камне и тяжело дышала. Над озером снова плыла тишина. Только где-то в кронах старой ивы хлопала крыльями чёрная птица.

Небо озарило небесное светило — луна вышла из-за туч и залила лес серебром. «Неровён час и заболею», — подумала Яга, чувствуя, как мокрое платье липнет к телу, а холод пробирается до самых костей. Она встала, выжала подол тугим жгутом, встряхнула и отжала волосы — с них тоже ручьями текла вода. А затем решительно зашагала прочь от русалочьей речки, туда, где за лесом ждала деревня и праздник, который сейчас казался чем-то далёким и почти ненастоящим.

Ворон, тот самый, что спас её от наваждения, будто провожал её. Он перелетал с дерева на дерево, каркая над каждой елью, словно страж, что не хочет оставлять подопечную одну. Яга шла, не оглядываясь, пока не вышла на знакомую поляну — ту самую, где ещё вчера они собирали зверобой.

В лучах луны, посреди поляны, стоял мужчина. Крепкий, мускулистого телосложения, он был обращён к ней спиной. Рыжая шевелюра, густая и волнистая, спускалась до лопаток, и в лунном свете казалась почти огненной. Одет он был в чёрный кафтан и длинные чёрные штаны — нездешний покрой, не деревенский. Что-то в его осанке, в том, как он стоял, замерев, заставило Ягу остановиться.

Мужчина едва повернул голову, и в его глазах блеснул огонь — не отражённый, а живой, жёлтый, с вертикальным зрачком.

— Негоже юным девам шастать по лесу да с русалками речи водить, — произнёс он низким, тягучим голосом.

Яга испуганно посмотрела на него. Сердце забилося где-то в горле.

— Ты... ты... — заикаясь, выдавила она.

Мужчина аккуратно зашёл за ближайшее дерево — и в ту же секунду, словно по волшебству, очутился прямо рядом с ней. Без шагов. Без звука. Только воздух дрогнул.

— Да, я, — улыбнулся он, и улыбка эта была до странного обаятельной, хоть и хищной. Лицо его оказалось совсем близко — резкие скулы, прямой нос, тонкие губы, изогнутые в лёгкой усмешке. От него пахло чем-то тёплым, сухим, как от нагретого солнцем камня.

Яга лишь смогла открыть рот. Мужчина вытянул палец и легонько, почти невесомо, прикрыл ей губы.

— Негоже спасителям рты раскрывать. Надо представиться. Но раз не учили тебя манерам — я научу.

Яга опешила от страха. Русалки так не пугали, как этот странный мужчина — нахальный, самодовольный, уверенный в себе до кончиков своих огненных волос.

— Саламандр, — произнёс он и едва поклонился, не сводя с неё своих жёлтых глаз.

Яга не могла сказать ни слова — только зубы стучали от холода. Она стояла, прижимая руки к груди, не в силах пошевелиться, и смотрела в эти жёлто-красные глаза, что горели перед ней, как два угля.

Со спины послышался едва уловимый голос — грубый, низкий, загадочный:

— Оставь её, Саламандр.

Яга хотела обернуться, но Саламандр поймал её за руки и устремил её взгляд на себя. Пальцы его были горячими — не обжигающими, но тёплыми, как печь в зимний вечер. Он осторожно подул на её озябшие ладони, и лицо его вдруг начало меняться: кожа местами трескалась, и в этих трещинах, словно жидкое золото, проступал огонь. Он пульсировал, дышал, переливался, завораживая Ягу. Она не могла отвести взгляд. Глаза его менялись на глазах: зрачки стали продолговатыми, как у змеи, а радужка налилась красно-жёлтым свечением — цветом пламени, цветом заката, цветом самой стихии.

Саламандр расплылся в улыбке и тихо, гортанно захохотал — всего на секунду. Потом глянул через плечо девушки и рывкнул:

— Не тебе мне указывать, ворон!

Он снова поднял голову, будто прислушиваясь к чему-то неслышному, и лицо его на мгновение стало серьёзным. Потом он вернул взгляд к Яге и, понизив голос до шипения, процедил:

— Ну, рано так рано.

Он щёлкнул пальцами — сухо, резко, как треснувшая ветка. И в тот же миг поляна опустела. Только лунный свет лился на траву, ворон каркнул где-то в вышине, ветер шевельнул листья. Яга исчезла — словно её никогда и не было.

Глава 4 Утес Печали

— Яга! Яга, да проснись же ты, непутевая девка!

Она открыла глаза и несколько мгновений просто смотрела в потолок, не понимая, где находится. Потом огляделась: чердак. Родной чердак. Знакомая перина под спиной. Паук Сиян в углу. Мотанка на подушке. Травы под потолком. Всё было на своих местах. Но в голове — тысячи вопросов. Почему она не помнит праздника? Как оказалась дома? Кто её принёс? И тут память накрыла волной: русалка, холодная вода, Сияна бездыханная на камне, а потом — он. Этот рыжий мужчина с огненными глазами. Саламандр. Его горячие пальцы, его трещащееся лицо, его шёпот: «Ну, рано так рано».

Она протёрла глаза и увидела перед собой Пересвета. Тот сидел на корточках у её перины и смотрел на неё с тревогой, смешанной с привычным добродушием.

— Пересвет? — голос у неё был хриплым, сонным. — А ты как тут?

— Что вообще с тобой, Яга? — он вытащил из её волос какую-то запутавшуюся водоросль и покосился на неё — по-братски, без осуждения, но с явным беспокойством. — Впрочем, не важно. Хватит спать. Мать просила отправиться за тобой. Сказала, это срочно.

Она собралась быстро — так быстро, как никогда. Когда мать зовёт вот так, через Пересвета, без записки, без объяснений, значит, дело и правда худо. Яга натянула первое попавшееся платье, накинула на плечи сухой платок и, не заплетая волос, бросилась вниз по лестнице. Пересвет едва поспевал за ней.

Вдвоём они вылетели из дома, даже не захлопнув калитку. Яга побежала в сторону выгона, туда, где держали скот, — обычно мать помогала там: то корова отелится, то лошадь захромает. Но Пересвет догнал её и дёрнул за плечо:

— Нет! Не туда!

Яга удивилась, но спорить не стала. Она развернулась и побежала следом за ним. Парень петлял по улицам, пока не остановился у знакомого дома — добротного, с резными наличниками, с красным петухом на флюгере. Дом Хавроньи и Прохора. Дом Ясены.

Яга замерла у ворот, и сердце ёкнуло. Это не обычная хвороба. Если мать здесь, а не в поле, значит, случилось что-то такое, с чем ни Хавронья, ни кто другой справиться не смогли. Она перевела дыхание и толкнула калитку.

На пороге стояла заплаканная тётка Хаврония. Всегда крепкая, всегда властная, она сейчас выглядела постаревшей на десять лет: плечи опущены, лицо серое, руки дрожат. Рядом с ней стоял Бажен — растерянный, бледный, без своей обычной вальяжности. Чуть поодаль — Прохор, отец Ясены, молчаливый и мрачный, с тяжёлым взглядом, устремлённым куда-то в пол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.